

Она упорно держалась за это, что и привело к «обещанию» Шэнь Ваньцин, которая говорила, что они смогут быть вместе только после того, как лучше узнают друг друга.

Сможет ли она помешать династическому браку Шэнь Ваньцин?

Почему она должна мешать? Лу Чжися схватилась за голову, в отчаянии ударив ногой.

Почему люди не могут жить для себя? Шэнь Ваньцин такая сильная, зачем ей подчиняться?

Тело Лу Чжися медленно соскользнуло вниз, и она легла на пол. Долгое время лежала, думая о пустом, пока не почувствовала легкую сонливость.

Внутри было беспокойно, она не могла успокоиться, ведь у нее было еще что-то, что нужно сделать.

Она повернула голову к двери, за которой была гостиная, а дальше, повернув за угол, находилась входная дверь.

За той дверью раньше тоже был голосовой свет, но теперь он ярко светил, словно рассеивая только видимую преграду, в то время как внутренние демоны все еще глубоко укоренились в ее душе.

В конце концов она поднялась, открыла дверь, прошла через темную гостиную и остановилась у входа на несколько секунд. Прильнув к глазку, она внимательно осмотрела каждый уголок, освещенный светом.

Тьма не могла скрыться, и темнота в ее душе на мгновение отступила. Лу Чжися тихо вздохнула, повернулась и вернулась в комнату.

Дикие травы, буйно растущие в ее сердце, перестали шевелиться, и Лу Чжися немного успокоилась.

Лежа в постели, она ворочалась с боку на бок, листая последний разговор с Шэнь Ваньцин.

Она спросила ее, выйдет ли она замуж по договоренности? Та ответила, что да.

Искренность иногда является самым острым оружием, с грустью подумала Лу Чжися. Хотя бы обманула бы ее? Не оставляла бы ее совсем без надежды.

Она думала и думала, и ей становилось все более непонятно. Феромоны Шэнь Ваньцин и ее собственные имели уникальную совместимость. Если она выйдет замуж за другого, как она

будет справляться с периодом течки?

Чем больше она думала, тем темнее становилось ее лицо. В конце концов она подумала, что, возможно, Шэнь Ваньцин хочет иметь и рыбу, и медвежью лапу — поддерживать с ней отношения секс-партнеров, а с мужем — деловой союз.

В конце концов она укрылась одеялом и закричала внутрь.

Наконец, задыхаясь, она увидела перед собой тьму, что только усилило подавленность.

Лу Чжися вспомнила что-то, сбросила одеяло и побежала к шкафу.

Открыв дверь шкафа, она почувствовала легкий запах феромонов удумбара, что еще раз подтверждало, что Шэнь Ваньцин раньше спала здесь, иначе здесь не должно было быть ее феромонов.

Лу Чжися забралась в шкаф и легла. Он был не слишком узким, но и не широким.

Длина была достаточной, она вытянулась, и, хотя внизу были только одежда и одеяло, это было довольно удобно.

Дверь шкафа была открыта, и свет проникал внутрь, создавая в целом приемлемую атмосферу.

Закрыв дверь, она сначала чувствовала себя нормально.

Но через некоторое время постепенно начала ощущать клаустрофобию. В тесном, темном пространстве дышать становилось все труднее.

Свет, проникающий через щели в дверце, был как горло, пережатое рукой, оставляя лишь слабую надежду, которая не могла рассеять тьму.

Лу Чжися хотела потерпеть, но в конце концов голова начала гореть, тело стало некомфортным, и она тут же открыла дверь шкафа, глубоко дыша.

Некоторые люди находят чувство безопасности в шкафу, но Лу Чжися могла получить только страх и тревогу в закрытом пространстве.

Лежа в постели, зло, рожденное от бесконечных домыслов, постепенно рассеялось, уступив место жалости к Шэнь Ваньцину.

Эх, Лу Чжися обняла одеяло. Ладно, ладно, потом разберемся.

Возможно, ее мысли были в хаосе, и в голове снова была только Шэнь Ваньцин. Ее железа начала пробуждаться, она ворочалась с боку на бок, и этой ночью ей явно не спалось.

Жалость — это одно, но было и раздражение. Когда она немного полежит без сна, она пойдет мучить Шэнь Ваньцин!

Поздно ночью Цинь Чжэн проснулась, и кто-то принес ей еду.

После того как она поела, вошла Шэнь Ваньцин.

Человек, которого она не хотела беспокоить, снова доставил ей хлопот.

Цинь Чжэн, кроме слов благодарности, не знала, что сказать.

Шэнь Ваньцин не нуждалась в ее благодарности, спокойно сказав:

— Хочешь поговорить?

Цинь Чжэн спустя некоторое время тихо всхлипнула, вытерла слезы и, всхлипывая, сказала:

— Я действительно ни на что не годна.

Она не хотела плакать на глазах у других, но перед Шэнь Ваньцин она чувствовала себя недостойной, испытывая ненависть и отчаяние к себе.

— Ты можешь смеяться надо мной, — Цинь Чжэн, казалось, решила махнуть на все рукой, с иронией сказала:

— В конце концов, у меня сейчас ничего нет, и я ничего не могу сделать, я просто ничтожество.

Шэнь Ваньцин села на стул у кровати, ее тон оставался прежним:

— У меня нет намерения смеяться над тобой.

Эти слова только заставили Цинь Чжэн еще больше опустить голову. Она встала, надела тапочки и дрожащим голосом сказала:

— Спасибо тебе.

Глубоко поклонилась, сдерживая слезы:

— В следующий раз не спасай меня, дай мне погибнуть.

Цинь Чжэн повернулась, чтобы уйти, но Шэнь Ваньцин быстро схватила ее за запястье.

Цинь Чжэн почувствовала себя еще более разбитой, сила Шэнь Ваньцин полностью контролировала ее, и она беспомощно опустила голову.

— Садись на кровать, давай поговорим откровенно, — Шэнь Ваньцин вернула ее к кровати, прижала за плечи и сказала:

— Я начну.

Шэнь Ваньцин говорила просто.

Во-первых, инцидент на «Цветочном поле» не был виной Цинь Чжэн. Даже если бы она давно не контактировала с обществом, даже опытные люди могли бы быть обмануты, поэтому Цинь Чжэн не стоит винить себя.

Во-вторых, помощь, которую она оказала Цинь Чжэн раньше, не была корыстной. Но если бы это был незнакомый человек, она, возможно, не проявила бы такой горячности. Она помогла, потому что это было связано с Лу Чжися.

Поэтому, если Цинь Чжэн действительно хочет выразить благодарность, пусть позаботится о себе, чтобы окружающие, особенно Лу Чжися, не беспокоились за нее. Это будет лучше для всех.

В-третьих, что касается чувств, Цинь Чжэн имеет полное право добиваться Лу Чжися, но это не мешает ее отношениям с Лу Чжися. В конечном итоге, выбор Лу Чжися самый важный. Но Лу Чжися только 20 лет, у нее больше жизненного опыта, чем у большинства, но в глазах Шэнь Ваньцин она все еще незрелая. Поэтому сейчас она часто руководствуется эмоциями, включая уход из Департамента переводов. Лу Чжися не хочет говорить причину, вероятно, в этом есть что-то скрытое.

Наконец, с точки зрения стороннего наблюдателя, а не человека, который был связан с Лу Чжися меткой, они не подходят друг другу. Характер Лу Чжися Цинь Чжэн не сможет понять. То, что хочет Цинь Чжэн, Лу Чжися, возможно, сможет дать, но ненадолго, потому что она не сможет всю жизнь идти против своей природы.

Конечно, самое главное, Лу Чжися действительно не испытывает таких чувств к Цинь Чжэн, и это не то, что сказала Шэнь Ваньцин. Ее совет — сначала найти работу и стабилизироваться, а потом уже говорить о чувствах. Тогда ее внимание хотя бы переключится, и она не будет

витать в облаках.

Разговор с Лу Чжися можно провести в любое время, Цинь Чжэн может признаться в чувствах, но Лу Чжися обязательно откажет.

Тогда Цинь Чжэн сможет решить, продолжать ли добиваться ее, но Шэнь Ваньцин осторожно напоминает, что если Цинь Чжэн будет добиваться Лу Чжися, то они неизбежно окажутся в конкуренции.

Она не хочет никого обижать, но в отношениях люди в первую очередь думают о себе. Если это причинит Цинь Чжэн боль, это не будет преднамеренным, просто каждый будет бороться за свои интересы.

В конце концов, Шэнь Ваньцин сказала Цинь Чжэн, что Лу Чжися признавалась ей в чувствах.

Если бы она была безответственной, она могла бы просто согласиться, и они бы уже были вместе.

Но именно из-за ответственности перед Лу Чжися она не могла просто так согласиться. Семейная ситуация Шэнь Ваньцин слишком сложна, чтобы объяснить в двух словах, и она не собирается рассказывать об этом Цинь Чжэн.

— Возможно, ты раньше или в будущем услышишь сплетни обо мне, но я хочу сказать, что я отвечаю за каждое слово и действие по отношению к Лу Чжися. Я знаю, что делаю, и я серьезно и ответственно отношусь к ней, — Шэнь Ваньцин не заботилась о том, верит ли ей Цинь Чжэн, ей даже было все равно, верит ли ей Лу Чжися. — Все, что можно сказать словами, не имеет значения. Время все покажет. Если, я имею в виду, если Лу Чжися не дождетя, когда я докажу это, значит, у нас нет судьбы, и тогда каждому свое.

Шэнь Ваньцин была логична, решительна и рациональна, что полностью противоречило ее собственной нерешительности и растерянности. Цинь Чжэн испытывала сложные чувства.

С одной стороны, она восхищалась силой Шэнь Ваньцин, и у нее естественно возникало почтение; с другой стороны, из-за своей беспомощности она чувствовала отторжение к Шэнь Ваньцин.

Как летнее солнце, оно нам нужно, но мы поднимаем зонтик, чтобы укрыться от него.

Солнце, кажется, блокируется, но оно везде. Даже если можно блокировать свет, как блокировать его тепло?

Таким образом, в этот момент Цинь Чжэн эмоционально восхищалась силой, а разумом отвергала ее.

Она так и не сказала ни слова, столкнувшись с Шэнь Ваньцин, которая могла подавить ее во всем. Она была как муравей, пытающийся сдвинуть дерево, маленький и не осознающий этого.

Шэнь Ваньцин встала, села рядом с Цинь Чжэн и мягко взяла ее за руку.

Рука Цинь Чжэн была холоднее ее. Она тихо сказала:

— Прежде чем любить других, полюби себя. Это то, что я исправляю, и дарю тебе. Научись сначала любить себя.

<http://bllate.org/book/15534/1381557>